
А. А. РОМАНЧУК

**ИНДЕЙСКАЯ ТРОПА К ГОСУДАРСТВУ,
ИЛИ НОВЫЕ ВОПРОСЫ
О ПРИЧИНАХ ПОЛИТОГЕНЕЗА
(размышления по поводу новой книги)**

Монография Ю. Е. Березкина, представляющая собой сравнительное исследование путей обществ Нуклеарной Америки и Ближнего Востока к первичному государству и максимально полно учитывающая самые последние западные исследования, безусловно, на долгие годы станет настольной книгой исследователей первых цивилизаций.

Ключевые слова: *Нуклеарная Америка, индейские цивилизации, политогенез.*

Монография Ю. Е. Березкина (2013) вызывает интерес уже потому, что после долгого перерыва автор вернулся к древним индейским цивилизациям Нуклеарной Америки. Впрочем, предыдущие публикации (Березкин 2007; Васильев и др. 2009) свидетельствуют, что он не очень далеко уходил от этой темы.

За время, истекшее после выхода книги об истории империи Инков (Березкин 1991), наши знания о древних цивилизациях, в том числе – и даже в первую очередь – о цивилизациях Нуклеарной Америки, существенно изменились. По справедливому замечанию Ю. Е. Березкина, «прогресс исследований, осуществленных за последнее время, огромен. Для всех трех основных очагов политогенеза (Передняя Азия, Китай, Нуклеарная Америка) датировки появления сложных обществ значительно удревнились, а степень разрешения в описании археологических культур повысилась» (Он же 2013: 8). Львиная доля этой работы была проделана западными учеными, но результаты их трудов малодоступны в постсоветском мире.

Новая монография, максимально учитывающая самые последние западные изыскания, – практически единственная возможность восполнить этот пробел для русскоязычных исследователей первых

цивилизаций. И уже по этой причине она на долгие годы станет их настольной книгой.

Но этим ее значение отнюдь не исчерпывается. Не меньший, если не больший интерес представляет то, что автор построил свою работу как сравнительное исследование цивилизаций Нуклеарной Америки и Ближнего Востока (исследования последних легче находят дорогу к русскоязычному читателю, но и здесь «некоторые открытия пока известны лишь немногим специалистам» [Березкин 2013: 9])¹, а точнее – как сравнительное исследование путей этих двух регионов к государству.

Именно сравнительный подход позволяет отчетливо увидеть весьма любопытные закономерности или совпадения, за которыми, очевидно, тоже лежат свои закономерности, пусть пока и неявные. Одним из самых любопытных совпадений является удивительная синхронность Нуклеарной Америки, Передней Азии и Китая – регионов, весьма удаленных друг от друга и в древности почти (или вообще) не взаимодействовавших, в переходе сначала к производящему хозяйству, а затем и к сложным обществам – предгосударствам и ранним государствам². Так, «в отдельных районах побережья Перу и прилегающих к побережью предгорий существенной отраслью хозяйства земледелие стало не позже VI тыс. до н. э. Культурные виды, зафиксированные здесь в VI–IV тыс. до н. э., в других районах Южной Америки появились еще в IX–VIII тыс. до н. э.» (Там же: 16). А «древнейшие сложные общества Нуклеарной Америки возникли не позже второй четверти III тыс. до н. э. в пределах перуанского побережья между 7° и 12° ю. ш. Почти в то же время они появились и в сопредельных горных районах» (Там же: 143).

Эти датировки уже вполне сопоставимы и с Передней Азией (Там же: 170, 185), и с Китаем (Кравцова 2007; Fuller 2007). И хотя о полной синхронности говорить не приходится, степень совпадения поразительна³.

¹ Одним из таких особенно заслуживающих упоминания результатов является то, что «на юге Месопотамии урбанизация, вопреки господствовавшему еще 15 лет назад мнению, могла начаться в то же время, что и на севере, если не на пару столетий позже» (Березкин 2013: 185).

² Для Китая, как ранее уже обращалось внимание (Романчук 2009а; 2009б; 2012; 2013), радикальное несовпадение набора domesticiрованных видов с таковым Ближнего Востока ярче всего свидетельствует о независимом переходе к производящему хозяйству.

³ Стоит обратить внимание и на удивительную синхронность периодизаций Древнего Египта и Месопотамии, притом что для большей части данного временного отрезка о геопо-

Правда, о появлении «первого государства Южной Америки или по крайней мере первого общества, для которого наличие хотя бы некоторых признаков государственной организации трудно опровергнуть», можно говорить лишь сравнительно (с Ближним Востоком и Китаем) поздно, имея в виду цивилизацию Мочика (Березкин 2013: 51). Но и это отставание лишь лучше демонстрирует близость тенденций и вполне может быть объяснено тем, что заселение Нового Света произошло много позже⁴. Еще интереснее, что при такой синхронности обнаруживаются и весьма существенные различия, которые ставят новые вопросы, касающиеся причин и движущих сил первоначального политогенеза.

Так, «в отличие от Передней Азии, в Центральных Андах появление монументальных объектов, сокровищ и крупных поселений не совпадает по времени. Общественно-культурные сооружения значительного размера появляются на 1,5 тыс. лет раньше поселений с числом жителей 1,5–2 тыс. человек и на 3 тыс. лет раньше, чем города с населением 10 тыс. чел. и более. Сами эти поселения и города чаще всего выглядят как своего рода обрамление монументальных сооружений, так что требуются немалые усилия археологов, чтобы жилую застройку вообще обнаружить». При этом «объемом кладки крупнейшие перуанские общественно-культурные сооружения II тыс. до н. э. превосходят не только урукские храмы, но и месопотамские зиккураты III–II тыс. до н. э. Золото в Центральных Андах впервые встречается в погребениях за тысячу лет до появления городов. В Нижней Месопотамии последовательность обратная – золото появляется позже, чем города» (Там же: 192).

литическом взаимодействии этих двух регионов говорить не приходится. Фактически речь идет о двухсотлетних синхронных (с обратным знаком) циклах, когда периоду стабильности и единого государства в Египте соответствует период нестабильности и политического распада в Месопотамии (Романчук 2011а). Примечательно и то, что именно к концу IV–III века до н. э. и Передняя Азия (вместе с Восточным Средиземноморьем), и Индия, и Китай приходят к созданию империй, объединяющих каждый из регионов целиком. Да, степень различий все же достаточно велика – для той же Передней Азии первым опытом такой империи стала еще держава Ахеменидов (вырастающая из Мидийской), а империя Александра Македонского как раз распалась после его смерти. Но различия эти, как представляется, вполне объяснимы, все же не перевешивают совпадений и не должны теряться из виду.

⁴ Весьма позднее заселение Нового Света подразумевает учет того социального опыта, который принесли с собой мигранты – именно этот социальный опыт Березкин (2013: 206) и полагает основной причиной специфики Нуклеарной Америки, а также опыта обращения с перспективными видами растений (истоки интенсивного собирательства восходят еще к среднему палеолиту) (Armellagos, Harrer 2005: 71).

Для Нуклеарной Америки «характерно, что центры с монументальной архитектурой и значительной жилой застройкой вокруг нее часто возникали на пустом месте и существовали не более пяти-шести веков, а порой и намного меньше» (Березкин 2013: 202). «Даже в периоды наиболее успешного развития в начале и конце I тыс. н. э., т. е. в эпоху сложных вожеств и государств, здесь жили 30 и 35 тыс. человек соответственно. Ни для одной долины перуанского побережья, кроме, может быть, самых северных, где площадь орошаемых земель наибольшая, оценки числа обитателей выше 50 тыс. человек в любую эпоху до испанского завоевания совершенно нереальны» (Там же: 27). Между тем в Месопотамии «к середине IV тыс. до н. э. ...город Урук достиг площади не менее 100 га, а к концу IV тыс. до н. э. – 400 га с населением 40–50 тыс. человек» (Там же: 185). А многометровые телли (Телль-Брак – 40 метров) свидетельствуют о тысячелетиях непрерывной жизни в городских (и протогородских) поселениях Передней Азии⁵.

Вообще «в Андах население обычно скапливалось вокруг монументальных общественно-культурных объектов, тогда как на Ближнем Востоке такие объекты появлялись в городах, когда те достигали больших размеров. В Андах, особенно на ранних этапах становления сложных социополитических систем, размеры и богатство общественно-культурных центров определялись не тем, сколько людей в этих центрах постоянно жило, а сколько приходило во время праздников. Отсюда кажущееся несоответствие гигантских размеров монументальных платформ и незначительной жилой застройки» (Там же: 192–193).

Автор доказывает, что «среднемасштабные общества и ранние государства запада Южной и юго-востока Центральной Америки отличают от Передней Азии две существенные особенности. Во-первых, непропорционально большие по отношению к вероятной численности населения размеры общественно-культурных

⁵ В дальнейшем обсуждении нуждается тезис о том, что «беспрецедентную концентрацию населения в районе Урука во второй половине IV тыс. до н. э. можно рассматривать как знак того, что “вертикаль власти” еще оставалась слабой. Соответственно было невозможно организовать управление десятками тысяч людей, рассеянными на большой территории» (Там же: 205). Скорее, этот факт стоит интерпретировать (в том числе учитывая и данные, накопленные этологией относительно поведения видов, образующих колонии) исходя из предположения о тех социальных преимуществах, которые давало обитание в центральной части ареала популяции.

сооружений (это особенно относится к первичному перуанскому очагу политогенеза на его начальном этапе). Во-вторых, столь же непропорционально большие ценности в элитарных захоронениях (золото, ткани) и нередко (как альтернатива сокровищам либо одновременно с ними) каменная скульптура» (Березкин 2013: 195).

Из этих эмпирически наблюдаемых различий, по мнению Ю. Е. Березкина, следуют существенные различия также в предполагаемых причинах и движущих силах развития древних цивилизаций Передней Азии и Нуклеарной Америки. По его мнению, для Нуклеарной Америки «нестабильность положения крупнейших храмов с окружающими их поселениями можно объяснить тем, что, в отличие от городов Передней Азии, они возникали в результате не стихийных экономических процессов, а по желанию определенных элитарных групп, руководствовавшихся скорее религиозно-идеологическими, чем экономическими соображениями» (Там же: 202)⁶. В Азии же в «формировании сложных политических структур горизонтальные связи между мелкими коллективами долгое время имели большее значение, нежели соподчинение лидеров. Элита не была резко отделена от общества и не использовала контроль над престижными ценностями и сакральным знанием в качестве главного инструмента для выстраивания “вертикали власти”» (Там же: 204). По мнению автора, «особенности археологических памятников Передней Азии эпохи неолита и энеолита указывают на то, что местная элита контролировала прежде всего сферу производства и массового потребления» (Там же: 205)⁷.

Обобщая свои наблюдения, Березкин приходит к выводу: «В догосударственную эпоху как в Америке, так и в Передней

⁶ В Нуклеарной Америке «удаленные общества обменивались не продуктами, связанными со сферой жизнеобеспечения, а изделиями и сырьем, которые использовались в ритуалах. В Южной и Центральной Америке это были морские раковины, наркотические вещества, перья тропических птиц и т. п. Даже обсидиан как ценное сырье для изготовления режущих орудий мог иметь более символическое, чем практическое значение, и его использование вряд ли приводило к существенному росту производительности труда» (Там же: 149).

⁷ Эти в целом хорошо обоснованные выводы все же заслуживают, на наш взгляд, дальнейшего обсуждения. Если для Нижней Месопотамии действительно можно говорить о контроле элиты прежде всего над сферой производства и массового потребления (хотя даже из эпоса о Гильгамеше мы видим, что дальняя торговля – а она до II тыс. до н. э. была преимущественно «торговлей роскошью» – тоже осуществлялась и контролировалась храмовыми центрами), то насколько этот тезис верен для Сирии, Финикии, Палестины и той же Северной Месопотамии, или, например, для Угарита (который нам неплохо известен)?

Азии интеграция коллективов происходила путем их приобщения к определенным культам, а контроль над хозяйственной деятельностью являлся важной функцией храмовых центров. Но если ранние храмы Месопотамии регулировали главным образом производство продуктов массового потребления, то перуанские – монументальное строительство и производство престижных изделий (дорогих тканей, изделий из золота и т. п.). Более значительной ролью религиозной идеологии как фактора, обеспечивающего политическое единство в Андах по сравнению с Передней Азией, можно объяснить меньшую стабильность американских обществ по сравнению с переднеазиатскими. В Сирии и Месопотамии начиная по крайней мере с VI тыс. до н. э. развитие шло хотя и медленно, но по восходящей, без срывов и отступлений вплоть до становления Шумерской цивилизации, известной по историческим источникам» (Безкин 2013: 206).

Чем объяснить специфику американских культур? По мнению автора, «дать исчерпывающий ответ на подобный вопрос вряд ли когда-нибудь удастся». Но «среди возможных причин – наличие дуальной организации или по крайней мере сочетание этого института с двумя другими: с праздниками заслуг и ритуалами возвращения предков» (Там же: 196). Именно этим в конечном итоге объясняет он и различия между Передней Азией и Нуклеарной Америкой: «Наличие фратрий, институционального разделения полов и “праздников заслуг” в форме антагонистического соревнования соперничающих лидеров и групп можно предполагать у ранних мигрантов в Новый Свет, но вряд ли у верхнепалеолитических обитателей Передней Азии» (Там же: 206).

Это предположение и вытекающая из него объяснительная модель представляются вполне адекватными. Предшествующий социальный опыт как решающий фактор последующей политической и социальной эволюции – весьма убедительное объяснение. Вместе с тем позволим себе оговорку. Признавая, что «стремление элиты повысить свой статус благодаря доступу к престижным предметам и материалам и контролю над ритуалами, в которых эти предметы использовались... являлось движущей силой интенсификации производства, а значит, демографического роста и формирования все более сложных систем управления» (Там же: 149), вряд ли можно отрицать и то, что стремление элиты к повышению своего статуса

характерно для любого человеческого общества. Равно как, говоря о фратриях и дуальной организации, невозможно забыть, что их существование далеко не ограничивается Нуклеарной Америкой (да и само слово *фратрия*, как известно, латинского происхождения).

Итак, из вышеизложенного можно составить достаточно полное представление о сути тех новых открытий и вытекающих из них проблем, которые столь радикально меняют наше представление о древних индейских цивилизациях, а также об интереснейших гипотезах, которые Ю. Е. Березкин предлагает в качестве объяснения. Особенное внимание привлекает отчетливо вырисовывающаяся по данным материальной культуры диспропорция между весьма значительным уровнем сложности (вплоть до появления государств) древних цивилизаций Нуклеарной Америки и характерным для них очень низким демографическим потенциалом⁸.

Считать ли движущей силой социальной эволюции рост жизнеобеспечивающих технологий (Гринин, Коротаев 2009; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Малков, Халтурина 2007) или же (не отрицая роста ЖОТ) ставить во главу угла рост численности населения планеты (как в целом, так и в рамках отдельных обществ и регионов), вынуждающий и внедрение новых ЖОТ, и усложнение социумов (Романчук 2006; 2011; Романчук, Медведева 2009)? Сегодня никто не сомневается, что между численностью населения и сложностью общества существует прямая зависимость (согласен с этим и Березкин). Как отмечает С. В. Цирель (2010), «начиная с работ Р. Карнейро (Carneiro 1970), принято считать, что важнейшими факторами образования ранних политий были рост плотности населения и конфликты с соседями». Следовательно, цивилизации Нуклеарной Америки оказываются в этом отношении весьма нети-

⁸ При всей сложности социологической интерпретации археологических данных (на что неоднократно обращает внимание Березкин), у нас вряд ли есть основания сомневаться в достоверности предложенных реконструкций и в том, что мы действительно наблюдаем сложные общества в Нуклеарной Америке «не позже второй четверти III тыс. до н. э.». Хотя, с другой стороны, все же вряд ли стоит в ряде случаев и слишком прямолинейно оценивать динамику материальной культуры. В частности, вызывает сомнения, что «в пределах одной культурной традиции даже простое сравнение объемов перемещенного грунта по периодам отражает динамику изменения социальной структуры» (Березкин 2013: 11). Трудовые затраты общества могли возрастать без значимых социальных изменений – просто за счет естественного резерва «потенциального прибавочного продукта» (Романчук 2006: 419–421).

пичным исключением, а образование политий в этом регионе – «немотивированным».

Вместе с тем вряд ли стоит сомневаться и в том, что первые сложные общества Нуклеарной Америки действительно возникали в результате не стихийных экономических процессов, а по желанию определенных элитарных групп, руководствовавшихся скорее религиозно-идеологическими, чем экономическими соображениями⁹. Но тогда первичный политогенез Нуклеарной Америки выглядит в рамках этой гипотезы результатом скорее случайности, нежели закономерности.

Вполне отдавая себе отчет в том, что вопрос этот требует дальнейшего обсуждения, все же предложим альтернативное объяснение процесса политогенеза в Нуклеарной Америке и его специфических особенностей. Ключевым фактом для этого объяснения является такой крайне интересный памятник Передней Азии, как Гебекли-Тепе (середина X тыс. до н. э.). Для Гебекли-Тепе требовались более чем впечатляющие трудовые затраты – и при этом, по всей видимости, он был возведен охотниками-собира-телями. Березкин подчеркивает: нельзя сказать, «что образом жизни создатели монументального центра напоминали бушменов, но и земледельцами их назвать еще нельзя» (Березкин 2013: 170).

Параллели между Гебекли-Тепе и ранними центрами с монументальной архитектурой Нуклеарной Америки очевидны. И, как представляется, объяснением и в том и в другом случае служит как раз достаточно низкий демографический потенциал этих об-

⁹ Действительно, конкуренция за нематериальные ресурсы (статус, внимание социума) является не менее значимой для социальной эволюции, нежели за материальные – статусные – блага, будь то материальные или нематериальные, которые «исчерпываются» гораздо быстрее, нежели нестатусные ресурсы (Романчук 2011: 110–121). Но, как хорошо показал основоположник австрийской школы маргинализма К. Менгер (его идеи сегодня недоучитываются экономической антропологией – между тем спор формалистов и субстантивистов при обращении к наследию Менгера получает легкое и изящное разрешение [Он же 2011b]), любой выбор человека является экономическим. Благо, при наличии потребности в нем, становится экономическим лишь в силу сравнительной редкости. Природа же блага не имеет значения; пища или семья, одежда или дружба равно становятся предметом экономического оценивания и выбора, к чему приходят и некоторые направления современной экономической науки – «поведенческой экономики» (вырастающей из работ Д. Канемана и А. Тверски [2003]) и теории человеческого капитала (Беккер 1994). Г. Беккер даже озаглавил одну из своих более поздних работ «Выбор партнера на брачных рынках».

ществ. Именно он в сочетании с уже достаточно развитым социальным опытом мигрантов в Новый Свет (время их миграции даже с учетом самых последних исследований ненамного древнее возникновения Гебекли-Тепе) и привел к возникновению в наиболее благоприятных для жизни человека регионах Нового Света первых сложных обществ, усложнение которых мотивировалось желанием определенных элитарных групп, руководствовавшихся скорее религиозно-идеологическими, чем экономическими соображениями.

Литература

Беккер, Г. 1994. Выбор партнера на брачных рынках. *THESIS*. Вып. 6. М.: ИГИТИ, с. 12–36.

Березкин, Ю. Е.

1991. *Инки: исторический опыт империи*. Л.: Наука.

2007. *Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет*. М.: Объединенное гуманитарное изд-во.

2013. *Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*. СПб.: МАЭ РАН.

Васильев, С. А., Березкин, Ю. Е., Козинцев, А. Г. 2009. *Сибирь и первые американцы*. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2009. *Социальная эволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Канеман, Д., Тверски, А. 2003. Рациональный выбор, ценности и фреймы. *Психологический журнал* 24(4): 31–42.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М: КомКнига/URSS.

Коротаев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М: КомКнига/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е. 2007. Урбанизация и политическое развитие: сравнительный количественный анализ. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства*. М.: КомКнига/URSS, с. 102–141.

Кравцова, М. Е. 2007. *Верования и культы неолитического Китая. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия.* СПб.: СПбГУ.

Нефедов, С. А., Турчин, П. В. 2007. Опыт моделирования демографически-структурных циклов. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства.* М.: КомКнига/URSS, с. 153–167.

Романчук, А. А.

2006. Время человека: заметки к демографической теории истории. *Stratum plus* 2: 407–438.

2009а. Проблема локализации прародины сино-кавказской языковой общности. *Stratum plus* 2005–2009, 2: 367–373.

2009б. Прародина сино-кавказской языковой общности: Западная или Восточная Азия? В: Пахомов, С. В. (отв. ред.), *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока.* Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 143–154.

2011. *Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднепровья (12 – середина 8 вв. до Р. Х.).* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

2011а. Цивилизации Древнего Востока. В: Куррикулум Университета «Высшая Антропологическая Школа». Специальность: 225.1 Антропология. Кишинев: Stratum plus, с. 31–33.

2011б. Экономическая антропология. В: Куррикулум Университета «Высшая Антропологическая Школа». Специальность: 225.1 Антропология. Кишинев: Stratum plus, с. 20.

2012. Восточноазиатская гипотеза сино-кавказской прародины в свете данных физической антропологии и археологии: к постановке проблемы. *Stratum plus* 1: 303–329.

2013. Кавкасионский антропологический тип в свете гипотезы «восточной популяции»: вопрос о древности. *Stratum plus* 2: 259–282.

Романчук, А. А., Медведева, О. В. 2009. Глобальный демографический переход и его биологические параллели. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В., *Эволюция: космическая, биологическая, социальная.* М.: ЛИБРОКОМ, с. 244–269.

Турчин, П. В. 2007. *Историческая динамика: на пути к теоретической истории.* М.: URSS.

Цирель, С. В. 2010. *Пути к государственности и демократии: исторический анализ.* URL: <http://www.liberal.ru/anons/4939/>.

Armellagos, G., Harrer, K. 2005. Genomics in the Origin of Agriculture. Part One. *Evolutionary Anthropology* 14: 68–77.

Carneiro, R. A. 1970. Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

Fuller, D. 2007. Non-human Genetics, Agricultural Origins and Historical Linguistics in South Asia. In Petraglia, M. D., Allchin, B. (eds.), *The Evolution and History of Human Population in South Asia*. Dordrecht: Springer, pp. 393–443.